КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Февраля № 3. 1864 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

ДВѢ БЕСѢДЫ

СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БРАТСТВА (*).

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Слыши, сыне, наказаніе отца твоего, и не отрини завѣтовъ матере твоея. Притч. Сол. 1, 8.

Сыну ли забыть, чему научалъ отецъ его, что завѣщала ему мать его? Такъ,—казалось бы, да на дѣлѣ не всегда бываетъ такъ. Умретъ отецъ, умретъ мать,—забыты совѣты, наставленія родительскія. Внуки и правнуки уже

(*) Бесѣды эти не предназначаются собственно для церковной каѳедры. Онѣ предлагаются по поводу возбужденнаго прежде вопроса о возстановленіи братствъ. Во могихъ отдаленныхъ отъ насъ мѣстахъ возстановляются, или вновь разводятся братства, и у насъ это, давно начатое, дѣло подвигается очень медленно. Думая объ немъ, мы пришли къ во-

не помнятъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, не знаютъ, какъ жили они, какъ вѣровали въ Бога, и старались угождать Ему, какъ другихъ учили тому же, на путь наставляли. Хорошо ли это?—Припомните сей часъ сказанныя слова премудраго царя израильскаго Соломона. Сыне, говоритъ онъ, помни чему училъ тебя отецъ твой и не забывай того, что завѣщала тебѣ мать твоя. И если такъ каждый сынъ будетъ помнить добрые, благочестивые совѣты отца и матери и въ свою очередь будетъ передавать своимъ дѣтямъ, то и самые отдаленные потомки будутъ знать и свято хранить то, что завѣщали имъ предки ихъ. Тогда на каждый случай жизни будетъ у насъ примѣръ, наставленіе; образъ предковъ нашихъ, воспоминаніе объ нихъ будутъ какъ бы постоянными свидѣтелями нашей жизни, живыми судіями нашими. Не говорите: мы люди темные, письма не знаемъ, книгъ не читаемъ,—какъ намъ и знать, что дѣлалось прежде насъ. Потому-то именно и надо строго держаться вамъ благочестивыхъ обычаевъ предковъ, что иначе потеряется у васъ и самая память объ нихъ.

Прежде насъ жившіе люди, кажется, болѣе насъ были почтительны и внимательны къ наставленіямъ и завѣтамъ своихъ дѣдовъ и отцевъ. Много добраго они оставили намъ изъ своей жизни, много прекрасныхъ, благочести-

---

просу: не затрудняются ли, покрайней мѣрѣ нѣкоторые, священники передачею своимъ прихожанамъ историческихъ свѣдѣній о братствахъ, ихъ устройствѣ и пользѣ и убѣжденій къ возстановленію ихъ, и—рѣшились облегчить ихъ трудъ. Время покажетъ, достигнута ли будетъ цѣль наша. Мы хорошо однакожъ помнимъ, что когда, по поводу обращенія предсѣдателя общества для устройства быта прав. поклонниковъ въ Палестинѣ съ прозьбою къ епаріальнымъ начальствамъ касательно усиленія сборовъ на этотъ предметъ, въ 16 № Еп. Вѣдомостей 1861 г. напечатана была *Бесѣда о святомъ градѣ*, многіе изъ священниковъ письменно благодарили за нее редакцію, а по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ бесѣда эта была напечатана въ 60,000 экземплярахъ и разослана по всѣмъ волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, о чемъ тогда же сообщено редакціи. *Ред.*

выхъ обычаевъ осталось отъ нихъ. Болитъ однако жъ сердце, когда видишь, какъ многіе изъ этихъ обычаевъ на нашихъ глазахъ и по нашей винѣ исчезаютъ одинъ за другимъ. Вотъ идешь ты мимо церкви, дому Божія,—не снимешь шапки, не перекрестишься, не помолишься; а предки наши иначе дѣлали,—забылъ ты обычай предковъ. Имя діавола—врага человѣческаго произносится безбоязненно и часто, а у предковъ нашихъ не такъ было: если и случится кому помянуть это ненавистное имя, тотъ часъ онъ перекрестится и скажетъ: *Духъ святый при насъ и при оссели*. Начинаешь ли, оканчиваешь ли какое дѣло,—не вспомнишь о Богѣ, а предки наши съ молитвою, да съ помощію Божіею все дѣлали. Были у нихъ школы, были госпитали и богадѣльни, были братства, которыя заботились и о церкви и о школѣ и о всякихъ добрыхъ порядкахъ, а у насъ давно ничего такого не бывало, и только теперь стали заводить и то одни школы. И много, много добрыхъ обычаевъ и порядковъ водилось у нашихъ предковъ, а у насъ эти обычаи то забыты, то выводятся, если жъ и держатся нѣкоторыхъ изъ нихъ, то весьма и весьма не многіе.

На сей разъ хочу говорить съ вами, благочестивые прихожане, объ одномъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ дорогихъ и самыхъ давнихъ обычаевъ нашихъ предковъ, именно объ обычаѣ ихъ имѣть при церквахъ *братства*.

Обычай этотъ такъ давно и такъ много забытъ нами, что самое имя братства для васъ какъ бы новое и почти вовсе не понятное. Чтобы объяснить вамъ, что это за обычай, начну съ того, что осталось отъ него.

Всѣмъ вамъ извѣстно, что у насъ въ церкви есть особыя большія свѣчи, не на церковный счетъ сдѣланныя. *Ставниками* они называются. Когда начинаютъ читать *апостолъ*, усердствующіе изъ васъ берутъ эти свѣчи, зажигаютъ, становятся позади чтеца на срединѣ церкви, и такъ стоятъ съ зажженными свѣчами прямо царскихъ вратъ до тѣхъ поръ, пока не окончится важнѣйшая часть литургіи и не пропоютъ пѣвцы: *и всѣхъ и вся*. Такъ ведется и во многихъ другихъ селахъ въ нашей сторонѣ,

свѣчи, о которыхъ говорю, называются *братскими*, а тѣ изъ прихожанъ, которые дѣлаютъ складку для сооруженія ихъ и потомъ чаще другихъ, если не всегда, стоятъ съ ними въ церкви, называются *братчиками*.—Всѣмъ вамъ извѣстно, что у нихъ раза два—три въ году,—въ храмовый праздникъ, на проводы и въ поминальныя субботы бываютъ *братерскіе* обѣды. Отъ чего такъ называются эти обѣды?—Отъ того, что тутъ прихожане, какъ братья, помогаютъ другъ другу, дѣлаютъ складчину, чтобы вмѣстѣ, подобно дѣтямъ одного отца, помянуть своихъ родителей, помолиться Богу другъ о другѣ, вмѣстѣ раздѣлить трапезу, вмѣстѣ алчущихъ напитать. Люди, болѣе другихъ и при томъ постоянно усердствующіе въ этихъ добрыхъ дѣлахъ, называются, какъ вы знаете, *братчиками*. Точно также называются *сестричками* тѣ изъ женщинъ, которыя, подобно братчикамъ, усердствуютъ своими пожертвованіями и трудами для такого добраго дѣла и вообще для храма Божія. Ненапрасно вы сами называете ихъ пчелками. Какъ пчелки трудятся для своего роднаго улья, такъ они для храма Божія. По ниточкѣ, по кусочку собираютъ, чтобы домъ Божій не пришелъ въ оскудѣніе. Отъ давнихъ временъ называются они также и *мѵроносицами*, потому, конечно, что стараются явить любовь ко Христу подобную той, какую явили упоминаемыя въ евангеліи праведныя жены, пришедшія въ полночь ко гробу Господню помазать тѣло Іисусово драгоцѣннымъ мѵромъ. Называются въ иныхъ мѣстахъ братчиками и тѣ молодые парни, которые въ рождественскіе праздники славятъ Христа своими *колядками*, и собранныя при этомъ пожертвованія отдаютъ на украшеніе храма Божія.

Добрые обычаи и названія прекрасныя,—не правда ли? Но только и осталось у насъ отъ обычая предковъ нашихъ—имѣть при церквахъ братства.

Когда же и какъ начинался этотъ обычай, что добраго, богоугоднаго въ немъ было, почему и какъ сталъ приходить онъ въ забвеніе и не можетъ ли онъ быть столько же нужнымъ и полезнымъ для насъ, какъ и для предковъ нашихъ?

Давно то минуло, какъ сталъ заводиться этотъ святой обычай,—лѣтъ 800 будетъ, либо около того. Предки наши тогда едва только познали Христа, едва начали исповѣдывать, православную христіанскую вѣру. Вотъ придетъ, бывало у нихъ, какъ и у насъ теперь, Христовый праздникъ, сдѣлаютъ они напередъ складку, наварятъ меду, соберутся близъ церкви и распиваютъ тотъ медъ во славу Божію ради праздника Христоваго. Въ корчмы они не собирались, какъ у насъ,—не было еще тогда ни корчмъ, ни водки. Какъ дѣти одного Отца небеснаго, одной матери церкви, какъ братья по вѣрѣ, во Христѣ собирались они на празднество церковное, отъ того и всякая такая компанія называлась *братчиною*, *братствомъ*. Не трудно было имъ додуматься до того, чтобы деньги, вырученныя въ такихъ случаяхъ отъ продажи меду, отдавать въ церковь;—вѣдь праздникъ храмовый, а о храмѣ позаботиться нада всякому благочестивому прихожанину.— Такъ разсуждали и поступали наши предки, не то, что у насъ,—иной и въ церкви не побываетъ въ храмовый праздникъ, засядетъ на цѣлый день въ корчмѣ, пропьетъ все, а въ церковь ничего не дастъ.

Стали однакожъ и у нихъ заводиться на такихъ празднествахъ разные непорядки. Стали ходить на меды изъ другихъ приходовъ: иной напьется и безчинствуетъ, другой ссору и брань разведетъ.

Какъ вывести все это? Одному старостѣ церковному, который распоряжался на такихъ празднествахъ, трудно было управиться. Начали избирать для него помощниковъ, которые держали бы порядокъ въ братчинѣ. Какъ назвать ихъ?—*братчиками*, конечно; такъ и назвали.

Такъ появились у нашихъ предковъ *братства* и *братчики*. Какъ видите, одно они имѣли въ мысли—отпраздновать вмѣстѣ, по братски, праздникъ Христовый и при этомъ пожертвовать что нибудь для содержанія и украшенія дома Божія. Такой обычай былъ тогда во всей русской землѣ.

Много лѣтъ держался этотъ обычай, ни въ чемъ не измѣняясь. Много между тѣмъ перемѣнъ произошло въ

землѣ русской. Нагрянули на нее татары и опустошили всю огнемъ и мечемъ. Нашъ край раньше московскаго освободился отъ татаръ; но скоро послѣ того завладѣла имъ Литва, а наконецъ и онъ, какъ и Литва, присталъ къ Польшѣ, когда князь Литовскій Ягелло женился на польской королевнѣ Ядвигѣ. По городамъ у поляковъ и у насъ явились, какъ у нѣмцевъ, *цехи:—кузнецкій*, *шапошническій*, *кожемяцкій* и другіе. Всякіе такіе мастера дѣлали также складчину, чтобы общими силами вести съ успѣхомъ свой промыселъ, поддерживать другъ друга, помогать обѣднѣвшимъ, искоренять плутовство, и выбирали изъ себя трехъ четырехъ честныхъ людей, которые завѣдывали бы расходомъ складочныхъ денегъ и вели всякіе порядки въ цеху. Но и эти цеховые были также прихожанами какой либо церкви; совѣстно было имъ заботиться только о своихъ житейскихъ дѣлахъ и не подумать о церкви, и—вотъ стали и они часть своихъ общественныхъ денегъ удѣлять на поддержаніе и украшеніе храмовъ Божіихъ. Такъ цехи стали вмѣстѣ и братствами церковными. Въ цехахъ были большіе порядки, чѣмъ въ братствахъ, которые прежде ихъ явились;—стали братства перенимать у нихъ эти порядки и сами сдѣлались отъ того лучше. Въ цехахъ при томъ были люди состоятельные, съ деньгами;—стала отъ нихъ великая польза церквамъ Божіимъ.

Не добромъ однакожъ отплатили предкамъ нашимъ поляки за соединеніе съ ними. Поляки давніе враги наши, ненавистники православной вѣры нашей, и какъ только край нашъ присоединился къ Польшѣ, какъ равный къ равному, они всюду разгнѣздилить въ нашемъ краѣ, завладѣли нашими землями и стали угнетать нашихъ предковъ, чтобы отвести ихъ отъ истинной православной вѣры въ свой римскій костелъ, глумились надъ нашею вѣрою, называя ее глупствомъ, забобонами, хлопскою вѣрою. Трудно было предкамъ нашимъ бороться съ поляками: у тѣхъ были школы, у насъ не было школъ; у нихъ были люди книжные ученые, у насъ не было такихъ. Кому было порадѣть о школахъ, постоять за вѣру православную? Тутъ-то пригодились предкамъ нашимъ бывшіе у нихъ

братства. Видя великую бѣду, въ братство стали записываться не одни простые селяне и горожане, но и знатные и богатые люди. Умножились братства, разбогатѣли, завели школы и снабжали край людьми учеными, завели книгопечатни и раздавали всюду богослужебныя книги, завели *шпитали* для больныхъ, богадѣльни для бѣдныхъ и калѣкъ, взяли церкви и весь причетъ церковный на свое содержаніе и попеченіе. У польскихъ королей исхлопотали они право на все это; греческіе патріархи, вѣдавшіе тогда церковные порядки въ нашемъ краѣ, дали имъ свое благословеніе и уставы или записи, какой порядокъ у нихъ долженъ быть. Такъ явились братства въ большихъ городахъ: Львовѣ (что теперь подъ Австріею), въ Вильнѣ, Кіевѣ, Луцкѣ, Минскѣ, Острогѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Разгорѣлась злоба и ненависть поляковъ; выдумали поляки на пагубу и соблазнъ православнымъ людямъ ненавистную унію, или, какъ говорили они, едность съ римскимъ костеломъ. Лукаво начали они говорить предкамъ: все одно, что ваша, что наша вѣра, соединитесь съ нами въ вѣрѣ; мы оставляемъ вамъ ваши обряды и всякіе порядки церковные, а вы признавайте нашего папежа и обѣщайте слушаться его во всемъ, что касается вѣры; тогда мы будемъ жить, какъ братья, не будетъ между нами раздора и ненависти за вѣру. Много не только мірянъ, но и духовныхъ особъ соблазнились такою хитростію; много людей знатныхъ и богатыхъ перешли въ унію, склонились предъ папежемъ. Ихъ ласкали и честили, имъ давали права и вольности; но горе было тѣмъ, которые не хотѣли уніи. Православныя церкви стали насильно отнимать и отдавать уніатамъ, полякамъ и даже татарамъ и жидамъ; иныя запечатывали, другія обращали въ корчмы и конюшни; церквей старыхъ чинить не позволяли, строить новыя также запрещали. Народъ православный нагайками и дубинами загоняли въ костелы, грабили ихъ имущества, самихъ закидали въ тюрьмы, мучили и жгли. Поляки грозили истребить православную вѣру до конца. Тутъ-то еще болѣе пригодились предкамъ нашимъ брат-

ства. Изъ ихъ школъ выходили достойные пастыри и учители народа; люди ученые, которые обличали неправды поляковъ и ихъ лукавыя выдумки и защищали достоинство православной вѣры. Сами братства защищали церкви, священниковъ и народъ отъ притѣсненій поляковъ, жаловались на нихъ королю, искали вездѣ суда и правды. Запорожцы, также записывавшіеся въ братства, съ оружіемъ въ рукахъ защищали свободу вѣры и жестоко карали своихъ гонителей. Самъ славный гетманъ Сагайдачный, такъ страшный полякамъ, со всѣмъ своимъ кошемъ записался въ братство кіевское, и пока былъ онъ братчикомъ, святыня кіевская не попадала въ руки поляковъ и уніатовъ. Возрасла тогда слава братствъ, разнеслась по всему краю, и не было, кажется, мѣста, гдѣ бы не заведены были братства.

Не могли снести этого поляки и стали нападать на самыя братства, гнать и мучить братчиковъ. Долго боролись братства, пока все отняли у нихъ, у церквей и книгопечатенъ, пока не разорили ихъ имущества, гошпиталей и богадѣленъ, пока всѣ сколько нибудь знатные и богатые люди не перешли въ уніатскую и римскую вѣру. Такъ одного за другимъ не стало братствъ кіевскаго, львовскаго, луцкаго, виленскаго и многихъ, многихъ другихъ. Лѣтъ сто до нашего времени оставались еще братства по мѣстечкамъ и селамъ, при нѣкоторыхъ изъ нихъ были еще небольшія школы, и рѣдко, рѣдко гдѣ гошпитали и богадѣльни. Не стало большихъ, богатыхъ братствъ, не стало главной защиты нашей вѣры отъ поляковъ, и Богъ знаетъ, что было бы съ нею, пришлось ли бы и намъ родиться въ православной вѣрѣ, если бы край нашъ шестьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ предъ симъ не былъ возвращенъ отъ Польши къ Россіи. Предъ тѣмъ и даже послѣ того перевелись у насъ и всѣ почти сельскія братства. Что могъ сдѣлать для церкви и прихода народъ, ограбленный, разоренный, измученный въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ польскаго владычества и за тѣмъ все еще остававшійся въ неволѣ у своихъ вѣковѣчныхъ мучителей? Сами знаете, какіе были достатки у нашихъ дѣдовъ и отцевъ. Одно,

что могъ сдѣлать нашъ бѣдный поселянинъ—собраться, и то не одинъ, а вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, на свѣчку или ставникъ, на крестъ или хоругвь и на обѣдъ братерскій.

Вотъ отъ чего и вотъ до чего дошли славныя нѣкогда братства наши! Можетъ быть гдѣ нибудь и могли еще поддержать ихъ, да стали забывать благочестивый обычай предковъ.

Надо воскресить этотъ славный обычай, подобнаго которому не имѣетъ ни одинъ народъ, надо спасти его отъ совершеннаго забытія. Иначе грѣхъ и стыдъ намъ предъ Богомъ и людьми, осудятъ на томъ свѣтѣ предки наши, что мы не подорожили завѣщаннымъ отъ нихъ дорогимъ наслѣдіемъ.

Слыши сыне наказаніе отца твоего, и не отрини завѣтовъ матере твоея! Аминь.

ЗАМѢТКИ

О

СТАРОКІЕВСКОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ.

—

ОПИСАНІЕ СѴНОДИКА СТАРОКІЕВСКОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ.

Синодикъ, найденный въ сей церкви, хотя не представляетъ замѣчательной древности (*) и не можетъ служить пособіемъ для исторіи,—за то любопытенъ въ другомъ отношеніи, именно: какъ произведеніе лубочнаго искуства, довольно рѣдкое. Въ немъ помѣщенъ цѣлый рядъ (больше 30) картинъ, довольно замысловатыхъ по изобрѣтенію и по исполненію. Картины сіи составляютъ нѣчто цѣлое: трактатъ или живое наглядное поученіе о поминовеніи умершихъ. Поученію предшествуетъ предисловіе, довольно пространное, или увѣщаніе любоптцательному православному читателю (**), въ коемъ изложены подробно всѣ предметы поученія, и вопросы, на которые хотѣлъ

(*) Начало его никакъ нераньше 1744 года, ибо этотъ годъ стоитъ на заглавномъ листѣ. Сверхъ того старѣйшіе листы, намѣренно или случайно, вырваны, и записки именъ нѣтъ ранѣе 1753 года, въ которомъ тщательно записанъ *Родъ его высокородія Іоанна Θедоровича Мичюрина, г. Архитектона* и проч.

(**) Думаю, что это предисловіе, равно какъ и все поученіе представленное въ картинахъ, заимствовано сочинителемъ картинъ изъ какого нибудь современнаго поученія церковнаго, можетъ быть, даже и печатнаго, но указать этого поученія не могу.

См.—Приложеніе въ концѣ, 2-е.

составитель синодика дать отвѣты въ картинахъ. Планъ поученія—историческій, и все оно состоитъ изъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ церковной исторіи и священныхъ преданій, — расположенныхъ отчасти въ порядкѣ хронологическомъ, частію же по авторитетамъ учителей церкви.

У этого синодика три заглавныхъ листа. Первый изъ нихъ составляетъ какъ бы украшенную (illustrée) обертку,— имѣетъ впрочемъ и близкое отношеніе къ картинамъ составляющимъ поученіе. Два другихъ, собственно заглавныхъ, листа предназначены для извѣстныхъ подписаній.

1-й Заглавный листъ раздѣленъ на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Послѣдняя окаймлена вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ, на которомъ вверху хартія, съ подписью: „*Души умершихъ кому поминати оныхъ имена изволь зде писати. Помощъ имъ многу имать сотворити молитвами, и тѣхъ мытарствъ свободити. Приносы за нихъ пріятны суть Богу; свободятся злыхъ входя вся до* ..“ Внизужъ: *живымъ и мертвымъ польза есть премнога*,

Память имущимъ у Господа Бога
И молитвы бо того ради строятъ,
Да Христа Бога онѣми умолятъ.
Сродники иги поминаютъ души,
Молитвами грѣховъ свободятся,
Небесныхъ благихъ тамо насладятся.

Верхняя половина листа состоитъ изъ нѣсколькихъ картинъ. Главную, или среднюю, большую изъ нихъ, составляетъ изображеніе священника, въ церковномъ облаченіи, предъ жертвенникомъ, съ раскрытою книгою въ рукахъ. Надъ этою картиною, на хартіи, которую развиваетъ ангелъ, написано:

„Архіерей святъ Іаковъ, Братъ Божій,
Усопшимъ душамъ путь молитвенъ дать гожій:
Въ службѣ бо душы кія поминаютъ,
Радости оныхъ многихъ поспѣшаютъ“.

Рамою этой картинѣ служатъ двѣ меньшія, овальныя. На правой: Авраамъ, упокоивающій души на лонѣ своемъ. Изображеніе черезъ - чуръ пластическое! Патріархъ представленъ съ открытою пазухою, изъ которою выставляются маленькія головки человѣческія (это души); справа и съ лѣва, спѣшатъ и толпятся въ лоно Праотца нагіе маленькіе человѣчки—(тоже души). Подъ картиною подпись:

»Праведныхъ душы со Авраамомъ вѣрнымъ

Обогатятся здѣ блаженствомъ безмѣрнымъ.

Всякая душа тамо поспѣшайся,

Прелести міра всячески ошайся.“

На лѣвой: изображенъ святитель, въ мантіи, въ клобукѣ, съ архіерейскимъ жезломъ; стоитъ на берегу. Къ нему, съ отчаяніемъ, простираетъ руки пловецъ на доскѣ, стоящій на колѣняхъ, весь въ черномъ одѣяніи.

„Завѣта мертвыхъ кто не исполняетъ,

Душѣ изъ муки злы тѣхъ не свобождаетъ,

Митрополитъ се благъ Лука являетъ:

Яко человѣкъ въ мукахъ пребываетъ.“

На второмъ заглавномъ листѣ, цвѣтисто разукрашенномъ арабесками, вычурная подпись стариннымъ штрифтомъ церковнымъ: „Синодікъ или помянникъ,“ увѣщаніе люботщательному православному читателю о предисловіи во книгу Синодикъ о пособіи мертвымъ“—слѣдуетъ предисловіе или увѣщаніе (*).

3-й Заглавный листъ, съ тѣми же почти украшеніями, что второй. Въ срединѣ, клѣточка бѣлая оставлена для надписи.

Слѣдуетъ рядъ картинъ составляющихъ поученіе.

А) Картина представляетъ внутренность храма. Посреди, на амвонѣ, святитель въ облаченіи; лицемъ обращенъ къ людямъ. Въ рукѣ разверстая книга; правая рука—благословляющая. По правую и лѣвую сторону апостолы

(*) См. приложеніе 2.

(12-ть). Надъ главою храма (какъ бы на кровлѣ), гора, на которой тѣже апостолы, со взорами обращенными на небо; выше ихъ—два ангела, которые,—по сказанію евангелиста Луки,—видимы были апостолами по вознесеніи Господа, и говорили имъ: „мужіе Галелейстіи, что стоите зряще на небо? сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имъ же образомъ видѣсте его идуща на небо" (Дѣян. ап. 1, 10, 11). Вверху высоко—Спаситель, на облакахъ, изъ коихъ стремятся внизъ ангелы съ трубами въ устахъ. Подпись объясняетъ содержаніе этой картины такъ: *По вознесеніи Господа на небеса, апостолы сице умышляютъ, да въ Божіихъ церквахъ Іереи усопшихъ души поминаютъ, безкровныя жертвы ко Богу выну о нихъ приносятъ, и отпущенія грѣховъ ихъ у Господа просятъ.*

Б) Картина: На первомъ планѣ святитель крещаетъ взрослыхъ и малолѣтныхъ въ рѣкѣ. Въ лѣвой рукѣ святетеля свитокъ—эмблема поученія. Въ перспективѣ—виды городовъ, крѣпостей, пустынныхъ дорогъ. Тамъ и здѣсь толпы идущаго народа, желающаго просвѣщенія.

„Іаковъ, святитель, крестить невѣрны языки
И многихъ разныхъ народовъ лики,
Како бы имъ о Христѣ жити
А тамо жизнь вѣчную получити."

В) Картина. На первомъ планѣ соборъ колѣно-преклоненнаго народа; надъ нимъ сонмъ святыхъ.—Выше,—Спаситель, воставъ съ престола, ведетъ къ нему за руку пречистую Матерь свою, сопровождаемую дѣвами, и на тронѣ сѣдятъ: Спаситель и по правую сторону Его Матерь Божія въ царскихъ одеждахъ и съ знаками царскаго достоинства. По лѣвую сторону трона стоитъ Іоаннъ креститель, за нимъ святые апостолы. На самомъ верхнемъ планѣ—престолъ Господа славы,—окруженный ангелами. На немъ возсѣдаетъ Господь Іисусъ Христосъ.

Содержаніе этой картины излагаетъ пространная надпись, которая начинается вверху картины, оканчивается внизу.

„Егда въ день святыхъ, въ церкви св. Петра праздноваху, о помощи всѣхъ святыхъ прошаху, Iерей въ дусѣ бысть, и видѣ царя царствующихъ на высокомъ престолѣ сѣдящаго, и окрестъ его множество стоящихъ ангелъ, и пріиде Дѣва въ вѣнцѣ пресвѣтломъ, за нею же многое множество лицъ дѣвственныхъ. И воста Царь на пришествіе Дѣвы, и посади ю на престолѣ съ собою. По семъ пріиде нѣкто, во одѣяніи велбужемъ, по немъ же идоша множество старцевъ честныхъ и благолѣпныхъ видѣніемъ. И паки по немъ показался нѣкто во архіерейскомъ одѣяніи; по немъ, въ томъ же одѣяніи, идоша множество, и наконецъ показася множество народа; и тако вси, пришедше, предъ престоломъ царскимъ преклониша колѣна и благодареніе утреннее воздаваху. Ангелъ, иже восхити Iерея одного, повѣда вся видѣнія, и глагола, яко сія госпожа, иже въ первомъ видѣніи показа (ся), есть преблагословенная Дѣва мати Iисусъ Христова; во одѣяніи же велбужемъ, есть Iоаннъ креститель съ патріархи и пророки, Петръ же съ прочими апос олы; во одѣяніи же архіерейскомъ—святители и исповѣдницы. Сіи вси того ради предъ царя пріидоша, да честь и благодареніе воздадутъ. Зерцало вѣры гл... н.

Пять слѣдующихъ картинъ представляютъ изображенія святыхъ отцевъ церкви первыхъ вѣковъ, и именно: трехъ вселенскихъ великихъ учителей, святителей:
а) Григорія Богослова
б) Iоанна Златоустаго
в) Василія Великаго, также святаго Аѳанасія Великаго, и преподобнаго отца нашего Макарія Александрійскаго,—какъ свидѣтелей пользы поминовенія усопшихъ, и учившихъ о необходимости совершать такія поминовенія.

Подъ каждымъ изъ образовъ подписи:

а) **Богословъ Святый Григорій еще повѣствуетъ:**
Добро убо усопшихъ души поминати,

Да во оном вѣцѣ за сіе будутъ
Тыя непрестанно свѣтло торжествовати.

б) Великій Архіерей Іоаннъ Златоустъ
Велитъ по усопшихъ давати сорокоустъ,
Да тѣмъ усопшихъ души отъ мукъ свободятся
И вѣчныхъ благъ тамо насладятся.

в) Святъ Архіерей Божій, Василій Великій,
Отшедшимъ душамъ повѣствуетъ покой толикій,
Егда во церкви поминаемѣй душѣ быти,
Оныхъ вѣчныхъ мукъ можетъ тамо избыти.

г) Патріархъ Аѳанасій во Святыхъ великій
Сказуетъ усопшимъ свѣтъ толикій,
Егда во церкви души отшедшихъ поминаютъ,
Отраду не малу тамъ тѣмъ подаваютъ.

д) *„Преподобный отецъ нашъ Макарій, ходя по пути, обрѣте лобъ сухій мужа нечестива, суща еллина, и вопрошаше л҃а: аще когда коея утѣхи чувство имать? Той же сухій лобъ отвѣща: „многу ослабу имѣютъ въ себѣ, внегда христіане за усопшихъ молитвы творятъ“. Сей бо великій Макарій, много лѣтъ трудився, о семъ молитися Богу увѣдати хотя, аще кая есть польза усопшимъ, поминаемымъ отъ насъ, и сего ради яви Богъ чюдо сіе.*

Въ слѣдующей за тѣмъ картинѣ представлена:

„Повѣсть преподобныя игуменіи Аѳанасіи, како воповѣда сестрамъ своимъ, по преставленіи своемъ, до 40 дней трапезу нищимъ поставляти. Они же точію до 9 дней сотвориша, а по 9 днехъ нетворяще того. И явися имъ святая со двѣма ангелы, и рече: почто преступисте заповѣдь мою? Извѣстно буди вамъ, еже за душу творимое до 40 дней: или милостыня, или алчныхъ насыщеніе или Іерейскія молитвы въ церкви творити, аще и грѣшны суть усопшихъ души, то отпускъ отъ Бога пріимутъ грѣховъ, аще ли суть праведныхъ, то исполненіемъ всякаго доб-

ра творящимъ обогатятся, и се рекше (и?) жезлъ свой потче, и невидима бысть. Утрѣ же воставше, видпьша жезлъ ея процвѣтшъ, и прославиша Бога.

Десятая картина надписана такъ:

Картина разсужденія повседневнаго
И зерцало христіанина правовѣрнаго.

Представлено: круглое зеркало, въ которомъ отражается черепъ человѣческій. Справа и слѣва поддерживаютъ его скелеты человѣческіе, вооруженные стрѣлами; у одного она направлена въ зеркало, другой—стрѣлою указываетъ на пьедесталъ; а пьедесталомъ зеркалу служитъ человѣкъ съ набожносложенными руками и потупленнымъ взоромъ, сидящій на закрытомъ гробѣ, котораго кришку придавилъ ногою одинъ изъ скелетовъ. Надъ этою картиною или зерцаломъ—различныя меленькія изображенія, которымъ предметами служатъ: притчи евангельскія (сучецъ во оцѣ ближняго и бревно въ собственномъ), свящ. исторія (сокрытіе Адама и Еввы въ раю отъ Бога, явленіе Еговы Моусею въ горящей и несгараемой купинѣ) и пр.—Подъ зерцаломъ стихи:

Помни по всякъ день Бога твоего,
Стрегися всегда прогнѣвать Его;
Помни присно въ заповѣдяхъ Его спастися,
Суди себѣ никогда превознестися.
Помни во гнѣвѣ пребыти умѣренъ,
Буди въ словахъ и дѣлахъ твоихъ вѣренъ.
Хранися похищати чуждыя вещи,
Стерегися неправды и лжу отмещи.
Научися всякъ своимъ владѣти,
Страхъ Божій въ сердцѣ имѣти.
Помни въ день крещенія твоего отреканіе,
Помысли Христову смерть и страданіе.
Помни, чтобъ сатана кого непохитилъ отъ васъ,

Стрегися на всякъ день на смертный часъ.
Припомни по всякъ часъ, что ты мыслишь.
О, егда бы человѣцы мудріи были,
Не бы Бога своего позабыли.
Невозмеши слово Господа всуе, что ты слышишь.
Кто тя можетъ убѣжати смертный часъ?

На картинѣ 11-й представлена въ лицахъ церковная пѣснь надгробная: *плачу и рыдаю...*, которая вся и подписана подъ этою картиною.

Далѣе, въ шести картинахъ, изображено: разлученіе души съ тѣломъ, погребеніе тѣла въ землю, и загробное состояніе души, до 40 дней по отшествіи ея отъ тѣла.

I., Смертное ложе, окруженное печальными лицами и плачущими. Ангелъ принимаетъ на руки душу, которая представлена въ видѣ маленькаго человѣка, выходящаго изъ устъ умирающаго.

Егда душа отъ тѣла си разлучаетъ,
Яко птица отъ сѣти си возлетаетъ.
Сродницы болѣзненно рыдаютъ
И теплыми слезами обливаютъ.

II., Содержаніе второй картины изложено въ подписи:

Во храмѣ священницы надъ умершимъ отпѣваютъ,
(на первомъ планѣ картины)
Сродницы, и друзи, и ближніи съ воплемъ рыдаютъ.
Конечное ко гробу усердно провожаютъ
(на второмъ планѣ)
И тако со псалмопѣніемъ погребаютъ.
(въ перспективѣ).

III. На первомъ планѣ картины—родимый домъ покойника. Ангелы приносятъ душу въ это оставленное ею жилище родныхъ ея; она ходитъ по знакомымъ ей комнатамъ; навѣщаетъ сѣтующихъ сродниковъ. На второмъ планѣ: въ церкви надъ гробомъ, на которомъ стоитъ чаша

съ кутіею и свѣча горящая, священникъ поетъ панихиду; родственники умершаго (всѣ женщины) плачутъ; ангелы держатъ на рукахъ душу, надъ гробомъ.

Душа, разлучившися отъ своего тѣлесе,
Воспріемлема бываетъ ангелы съ небесе
И три дни свободно ко гробу своему носима
И паки въ домъ къ родителямъ своимъ.

IV. Душѣ показываютъ ангелы различные роды адскихъ мученій, и даютъ испытывать райскую прохладу.

Отъ девятаго дни душа Ангелы сохранима бываетъ
И въ свѣтлыхъ райскихъ мѣстахъ держима,
Низводима же бываетъ и до адскихъ мукъ,
Да тамо видитъ томительства темныхъ слугъ.

V., Картина. Надъ земными жилищами селенія райскія, обильныя тѣнистыми и плодовитыми деревьями. На радужномъ небосклонѣ, украшенномъ свѣтилами, утвержденъ престолъ Царя славы, окруженный сонмами ангеловъ. Въ райскихъ обителяхъ, подъ тѣнью деревъ зеленѣющихъ листьями, на трехъ столахъ сидятъ патріархи: посреди Авраамъ, по сторонамъ его,—Исаакъ и Іаковъ, и почиваютъ (въ полулежащемъ положеніи) праведные. Пазуха Авраама полна душъ. Подъ небосклономъ парятъ два ангела, препровождающихъ душу къ престолу Господню.

Душа отъ земли скоро восходитъ,
Да предъ Господомъ тамо ея поклонитъ
И паки въ райская селенія ся относятъ,
Да тамо Авраамле нѣдро себѣ испроситъ.

VI., Наконецъ, въ послѣдней изъ сихъ картинъ, изображается: какъ, въ слѣдствіе молитвъ сродниковъ умершаго, приносимыхъ въ церкви, его

Душа паки на небо ангелы возносима бываетъ,
И Богу, Творцу своему, смиренно покланяетъ,

И потомъ,

Аще праведна душа, то пребываетъ во свѣтѣ;
Аще ли же грѣшна, держима бываетъ въ тьмѣ.

Въ двухъ картинахъ за тѣмъ представлены различныя добрыя дѣла на пользу душъ усопшихъ: подаяніе милостыни, служеніе церковное и т. д.

Надписи у нихъ:

а) Добро по умершихъ давати милостыни,
Да тамо они обрящутъ Бога милостива.
Здѣ подаваяй хлѣбъ въ руцѣ убогому
О камо сподобится милосердію многому.

—

б) Егда священникъ поминаетъ имена тѣхъ,
Извѣстно бываетъ о нихъ небесѣхъ.
Сихъ имена суть въ книгахъ животныхъ,
Напишутся тамо богоугодныхъ.

—

Еще семь картинъ представляютъ повѣсть о послѣдствіяхъ неправеднаго стяжанія богатства, роскошной жизни, жестокосердія и непамятованія смерти.

На первой картинѣ, кончина и погребеніе богатаго человѣка.

Горе тѣмъ человѣкомъ, здѣ роскошно живущимъ, а о себѣ и о душахъ своихъ не радящимъ, грабящимъ, насилующимъ а при своемъ животѣ церквамъ Божіимъ ни служителемъ церковнымъ не подающимъ! Ни странна помиловаша, ни нага одѣяша, ни больнаго посѣтили. А отходя свѣта сего и они приказываютъ управляти по себѣ таковымъ же человѣкомъ: грабителемъ, не милостивцемъ, не податливымъ.

—

И онъ худоумный человѣкъ, обрадовался друга своего злому тому и неправедному собранію, сице во умѣ держа: да онъ другъ мой, самъ не раздаде имѣнія, при

своемъ животѣ, и я не даю того ради: не вѣмъ, откуда что взято? отъ правды ли, или отъ неправды? и азъ о семъ не вѣмъ, како, или что кому раздати неизвѣстихся о семъ.—Картина представляетъ кладовую богача. Распорядитель имѣнія его сидитъ за столомъ; лице его немилосердо, въ глазахъ жестокость. Предъ нимъ свертки денегъ, русскіе щеты, чернилица съ перомъ. Вокругъ,—окованные сундуки: одинъ изъ нихъ открытъ;— въ немъ также свертки монеты. Положивъ руку на одинъ изъ свертковъ лежащихъ на столѣ, нетрубившійся наслѣдникъ задумался... *И въ томъ размышленіи, ему смущающуся о семъ, и въ то время припаде къ нему аггелъ сатанинъ, еже есть корень сребролюбія, поучая его на сіе богомерзское дѣло, глаголеть ему: „о добрый человѣче! то тебѣ Богъ далъ за твоя дѣла. Владѣй, пій и яждь! и чада воспитай въ наслѣдіе себѣ; и они, послѣ твоего живота раздадятъ сіе имѣніе.*—Продолженіе той же картины. Душеприкащикъ перещитываетъ казну; и нѣсколько свертковъ еще неразвернуты, на столѣ столбцами въ рядъ лежитъ крупная монета. Извѣстную сумму, сосчитавъ и завернувъ, несетъ спрятать въ сундукъ обратно: за спиною его стоитъ, нашептывая соблазнительныя рѣчи, злой врагъ — діаволъ, въ странномъ своемъ фантастическомъ образѣ. *И онъ худоумный человѣкъ пріимъ въ сердцы своемъ бѣсовскую прелесть, порадовася оному имѣнію друга своего, и нача владѣти; и содруги своими начатъ въ безвременномъ ядѣніи и питіи пребывати, и веселитися по вся дни, съ гусльми и свирѣльми, и въ такомъ роскошествѣ безвременномъ проживе многія лѣта.* На картинѣ— пиръ, музыка; одинъ за столомъ весело играетъ на балалайкѣ, другіе, на вышкѣ, трубятъ въ рога... Между тѣмъ, какъ двое изъ гостей съ полными чашами въ рукахъ, ведутъ живую бесѣду, а малый напѣниваетъ опорожненный бокалъ,-хозяинъ, застоломъ, въ восторгѣ, поднялъ къ верху руки, въ каждой изъ нихъ по туго набитому кошельку).

Итако, отходя отъ сего свѣта, той роскошникъ, послѣ своего живота, имѣніе свое и друга своего приказываетъ раздати пространно женѣ своей и дѣтемъ, и

попецщися о души его со тщаніемъ. Смертный одръ богача. Въ головахъ—смерть съ косою. У ногъ—плачущая семья. На всемъ въ домѣ видна изысканность прихотливой роскоши. Въ нѣкоторомъ отдаленіи остатки недавнихъ пировъ: умирающій—въ уныніи и отчаяніи; во рту у него пересохло; едва можетъ онъ передать женѣ и дѣтямъ послѣднее свое желаніе.

И оставшая жена послѣ мужа своего, начинаетъ не благъ совѣтъ совѣщати съ дѣтьми, рекуща дѣтьмъ своимъ: „чада моя возлюбленная! почто се умысли не разумно отецъ вашъ, а мой же мужъ: послѣ себя, повелѣ имѣнія своя раздати нищимъ и церквамъ, а меня и васъ оставляетъ сиротами? Воистину безъ ума глаголъ сей мужа моего. Чада моя милая! умыслила есмь тако: да съ тѣмъ богатствомъ пойду за инаго, богата же мужа, и онъ меня въ любви имѣти будетъ, а васъ воскормитъ. Такъ размышляющею представлена богатая вдова: она сидитъ въ великолѣпной комнатѣ, на окованномъ желѣзомъ и крѣпко запертомъ сундукѣ; другой сундукъ, открытый, полонъ монетъ... Женщина, съ довольнымъ видомъ смотритъ на это богатство. Вокругъ нея трое дѣтей: одинъ изъ нихъ вперилъ взоръ свой въ сокровище.—*Оставшая жена съ дѣтьми своими, умышленіемъ своимъ, пойде за иного мужа съ великимъ богатствомъ и начаша жити прохладно вельми. Итако богатство свое все изнуриша во многомъ пьянствѣ и роскошествѣ, а о первомъ мужѣ своемъ, поминовенія не творяще никогда же, въ забвеніе положиша. И тако вси изомроша безвременно и во адѣ мучими суть.* На этой картинѣ представленъ пиръ (можетъ быть свадебный) жены, еще роскошнѣе, чѣмъ пированіе мужа. А на нижнемъ планѣ—нагія тѣла умершихъ: перваго мужа ея и—неправеднаго собирателя богатства, (насчетъ котораго живые сластно ѣдятъ, пьютъ, пируютъ веселятся) въ темной пещерѣ (символъ тьмы кромѣшной) до половины погружены въ огненномъ озерѣ. Наконецъ изображены: на особой картинѣ, слѣдствія такой неразумной жизни богатыхъ родителей—жалкая бѣдность и совершенная нищета дѣтей. Всѣ они пошли съ сумами за

плечами. Одинъ, въ мужеской одеждѣ и обуви, рубитъ дрова; другой несетъ на плечахъ камни (это на первомъ планѣ); тамъ кладутъ стѣну каменную, таскаютъ мѣшки съ пескомъ (на второмъ планѣ); другіе, у воротъ дома, ожидаютъ подаянія милостыни, (въ перспективѣ). *Дѣти же жены тоя начаша жити въ нищетѣ, скитающіеся по улицамъ: ово убо милостыни просящи; ово же работающе тяжкую работу: дрова сѣкуще и каменіе носяще и тако житіе свое бѣднѣ провождающе.*

Слѣдуетъ картина, представляющая повѣсть о томъ, какъ „*человѣкъ нѣкій, имѣя у себя матерь, живущую въ блудѣ; случися ей отъити въ муку; онъ же о матери своей молился и милостиню творилъ, сего ради избавлена бысть отъ муки.*

Картина 29-я Человѣкъ нѣкій плѣненъ бысть въ Переиду, и тамо его всадиша въ темницу, и нѣкіимъ оттуда бѣжавшимъ, возвѣстиша родителемъ его, яко онъ сынъ вашъ умре. Родителіе же его по немъ, яко по умершемъ память твориша по три дни въ лѣтѣ: на святую Пасху и въ н҃ (пятидесятницу), *и въ святое Богоявленіе. Въ тѣ дни прихождаше Ангелъ и отпущаше мя отъ веригъ и свобождаше истемницы.«*

Изъ этого повѣствованія, взятаго изъ церковной священной Исторіи, представлены въ картинѣ слѣдующіе моменты.

а) ***Взятіе въ плѣнъ.***—За городскими воротами грознаго вида бусурманъ, съ палашемъ въ рукѣ, держитъ двухъ верблюдовъ; другой—у воротъ, ведетъ за руку, придерживая за плечо христіанскаго юношу.

б) Священникъ, поминающій, у жертвенника.

в) Темница, и выпущеніе на волю ангеломъ: то самое лицо, которое выглядываетъ изъ-за рѣшетки тюремнаго заключенія, ангелъ выводитъ изъ темницы, и снимаетъ цѣпи съ рукъ его. А между тѣмъ, сторожъ тюремный бодро стоитъ у двери темницы, и не видитъ этого.

г) Наконецъ тоже лице, освобожденное ангеломъ, съ кѣмъ-то другимъ гуляетъ на свободѣ въ полѣ.

Картина 30-я, окончаніе повѣсти. Отецъ и мать, взятаго въ плѣнъ, встрѣчаютъ, на порогѣ дома своего, возвратившагося изъ плѣна сына своего, и говорятъ ему, что считали его уже умершимъ и поминали его, какъ покойника. Сынъ объясняетъ имъ, что совершалось съ нимъ, въ тѣ именно дни, когда его поминали въ церкви.

По тріехъ же лѣтѣхъ, человѣкъ той возвратися изъ плену, пріиде вдомъ кродителемъ своимъ. Они же повѣдаша ему, како понемъ память творили, и въ которыя дни. Онь же рече имъ, яко въ тыя дни прихождаше ко мнѣ юноша въ бѣлыхъ ризахъ; лице его яко солнце, и отпущаше мя изъ темницы, и отъ веригъ разрѣшаше.

Еще одна картина, надписанная вверху ***Чюдо пресвятыя Богородицы изъ книги новаго неба о разбойникѣ Домицелѣ, како Богородица спасе его по смерти.***

На главномъ планѣ картины представлена казнь... Отдѣленная отъ туловища голова обращена къ священнику, стоящему въ эпитрахили, съ разверстою книгою въ рукахъ, за священникомъ множество народа. Въ перспективѣ—поимка разбойника на опушкѣ лѣса, и домъ, (который онъ ограбилъ?...)

Разбойникъ Домицелъ всегда поздравлялъ пречистую Дѣву Богородицу. По семъ на разбойничествѣ яша его, и отсѣкоша ему главу; глава же его не преста глаголати, дондеже ко Іерею грѣхи своя исповѣда. Сіе бысть помощію и предстательствомъ Богородицы, яко и отсѣченная глава ясно проглаголати можаше.

На предпослѣдней картинѣ — черепъ человѣческій, лежащій на крестообразно сложенныхъ костяхъ: (символъ смерти). На ней,—три надписи: двѣ на самой картинѣ, третья—подъ картиною.

Верхняя надпись: Зри, человѣче, и познавай, чія сія глава?

По смерти твоей—твоя такова глаголю сія зрящему на мя

Убо бѣхъ, якоже ты; тыже будеши яко же азъ, сія глава сама

О себѣ сказуетъ,

И подобіе свое намъ показуетъ

Средняя: **Кости зракъ**

Смерти знакъ.

Зри се всякъ:

Будешь такъ.

Нижняя надпись: *Виждь, человѣче свое тѣлесное сущствіе и внимай, яко будеши по малѣ времени самъ костемъ симъ сообразенъ и всякаго временнаго имѣнія и красоты міра сего суетнаго лишаемъ.*

На послѣдней картинѣ,—тоже черепъ, окруженный нѣкоторыми другими символами; именно: въ верхнихъ углахъ картины—песочные часы, вооруженные крыльями. Надъ ними надписано:

Летитъ время часами,

Во дни, и въ нощи, яко крылами.

Въ нижнихъ углахъ,—скелеты сидящіе, на глобусахъ. Одинъ скелетъ обращенъ спиною; склонилъ голову на остатокъ лѣвой руки. Надъ нимъ надпись: *и разсыпашася вся кости моя* (Пс. 21). За спиною его—горшокъ съ живыми цвѣтами. Другой скелетъ обращенъ лицемъ, и—будто улыбается. Правою рукою указываетъ на кости протянутой впередъ правой своей ноги. Надпись: *кости моя, яко сушило сосхошася* (Пс. 101). За спиною, скелета покалъ, наполненный влагою розоваго цвѣта. Подъ картиною подписано:

Зряй, человѣче, сію главу, сердцемъ умилися,

И помышляя псаломскую рѣчь прослезися.

Человѣкъ—яко трава, и вѣкъ исчезаетъ,
Яко же цвѣтъ на селѣ, скоро оцвѣтаетъ
Ибо, духу изшедшу изъ него, не бываетъ,
Ктому мѣста своего въ мірѣ непознаетъ.

Описанная нами книга — вкладъ частнаго лица, 1744 года. Разбитая отъ частаго употребленія, она бывала, (вѣроятно, не разъ), у переплетчиковъ; и оттого, что ежегодно пополняется новыми именами, старыхъ листовъ въ ней почти нѣтъ.

Другихъ предметовъ, достойныхъ замѣчанія въ отношеніи археологическомъ, художественномъ или иномъ какомъ, въ убогой церкви св. Троицы не найдете. Но и лепта вдовицы большаго стоитъ.

А потому и я накоцецъ положу руку на устахъ моихъ. Единою глаголахъ, вторицею же не приложу.

НЕОЖИДАННЫЙ ОБОРОТЪ ДѢЛА О ОБЕЗПЕЧЕНІИ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА Г. ОДЕССЫ.

Въ 22-мъ № нашего изданія за прошлый годъ мы сообщили краткое извѣстіе о томъ, что, по поводу возбужденнаго въ г. Одессѣ вопроса объ обезпеченіи тамошняго православнаго духовенства, одесская городская дума изъявила съ своей стороны согласіе отпускать на этотъ предметъ изъ городскихъ доходовъ до 30,000 р. с. ежегодно. Хотя это извѣстіе получено было нами частнымъ путемъ, но мы не допускали въ достовѣрности его никакого сомнѣнія, и такая увѣренность наша подтверждалась тождественнымъ почти извѣстіемъ, сообщеннымъ въ свое время въ 143 № „*Одесскаго Вѣстника*“ Нельзя было не порадоваться такому чрезвычайному явленію. Въ то время, когда вопросъ объ отнесеніи содержанія духовенства вполнѣ или только отчасти на счетъ общества робко поднимаемъ былъ въ нашей духовной литературѣ и почти не былъ затронутъ литературою свѣтскою, мы имѣли предъ глазами практическое его рѣшеніе, жизненный примѣръ того, какъ одно изъ городскихъ обществъ нашло совершенно справедливымъ отнести на свой счетъ содержаніе духовенства, служащаго его духовнымъ нуждамъ.

Теперь однакожъ дѣло, которому такъ обрадовались мы, и, конечно, не мы одни, принимаетъ новый оборотъ, и такой, какого, по его началу, и ожидать было не возможно. Вотъ что прочли мы въ 6-мъ № Сѣверной Пчелы за нынѣшній годъ въ небольшой замѣткѣ, подъ заглавіемъ *Сообщеніе Одесскому Вѣстнику*: „Въ слѣдствіе толковъ возбужденныхъ такою-то статьею (т. е. вышеупомянутымъ извѣстіемъ) Одесскаго Вѣстника, начальство города (Одессы) считаетъ нужнымъ объявить, что городскіе доходы рас-

ходуются не иначе, какъ съ утвержденія подлежащей власти, послѣдовавшаго въ установленномъ порядкѣ; что комитетъ объ улучшеніи быта православнаго духовенства не могъ и не имѣлъ права рѣшить, чтобы изъ городскихъ суммъ производимо было пособіе духовенству, что городской думѣ не предоставлено закономъ налагать на городъ новые расходы собственною властію и потому дума не имѣла права изъявлять согласіе на производство вышеупомянутаго расхода," и проч. — Странное впечатлѣніе произвело на насъ это *сообщеніе*. Что это?—подумали мы: протестъ, или такъ себѣ преніе о разныхъ формальностяхъ, —о томъ, какимъ порядкомъ должно идти дѣло о назначеніи одесскому духовенству пособія изъ городскихъ доходовъ? И противъ кого направлено это сообщеніе: противъ ли Одесскаго Вѣстника, или противъ бывшаго въ Одессѣ комитета по вопросу объ обезпеченіи православнаго духовенства и противъ одесской городской думы? Если противъ Одесскаго Вѣстника, какъ можно было заключить по заглавію замѣтки, то это значило бы, что Одесскій Вѣстникъ передалъ невѣрное извѣстіе, сообщилъ то, чего не было на самомъ дѣлѣ, или что было иначе, чѣмъ какъ передано. Но извѣстіе, переданное Одесскимъ Вѣстникомъ, совершенно вѣрно. Подтвержденіе его мы нашли въ 1-мъ № Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за нынѣшній годъ. Само одесское городское начальство, какъ видно изъ его *сообщенія*, не отвергаетъ дѣйствительности переданнаго факта. Значитъ его *сообщеніе* направлено противъ комитета, занимавшагося обсужденіемъ вопроса объ улучшеніи быта одесскаго духовенства и противъ одесской городской думы? Но въ такомъ случаѣ какую цѣль имѣетъ это публичное заявленіе о томъ, что „комитетъ объ улучшеніи быта православнаго духовенства *не могъ и не имѣлъ права рѣшить*, чтобы изъ городскихъ суммъ производимо было пособіе духовенству, что городской думѣ *не предоставлено закономъ* налагать на городъ новые расходы и потому дума *не имѣла права* изъявлять согласіе"... и проч. Намъ кажется, что не въ этомъ сущность *сообщенія* или протеста. Одесское город-

ское начальство, конечно, не имѣло никакой надобности заявлять публично такія положенія, которыя одинаково могутъ быть извѣстны и комитету объ улучшеніи быта духовества и городской думѣ, какъ ему.

Думаемъ также, что одесское городское начальство въ своемъ протестѣ не предполагало нарушенія заявленныхъ имъ положеній означеннымъ комитетомъ или думою. Въ справедливости такого мнѣнія можно удостовѣриться на основаніи краткаго извѣстія, сообщаемаго по этому же дѣлу 1-мъ № Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, на страницѣ 46-й. Изъ этого извѣстія видно, что комитетъ, опредѣливъ приблизительно въ 30,000 р. с. сумму, потребную для содержанія одесскаго духовенства, входилъ по этому предмету въ сношеніе съ городскою думою, т. е. не можетъ ли быть означенная сумма заимствуема изъ городскихъ доходовъ, а городская дума, въ отвѣтъ на это отъ 17-го сентября прошлаго года сообщила комитету, что съ своей стороны она не только признаетъ справедливымъ, чтобы пособіе духовенству назначаемо было отъ города, но, по средствамъ г. Одессы, находитъ возможнымъ ежегодный отпускъ изъ городскихъ доходовъ такой суммы, какая, по соображеніямъ комитета, потребна на содержаніе одесскаго духовенства, а сверхъ этого находитъ справедливымъ и возможнымъ отпускъ 2-хъ тысячь рублей на содержаніе пѣвческаго хора. Понятно для всякаго, что ни комитетъ, ни городская дума не преступили въ этомъ случаѣ предѣловъ власти, имъ предоставленной. Комитетъ сдѣлалъ свои *соображенія*, какія обязанъ былъ и могъ сдѣлать и вошелъ въ сношеніе съ думою также точно, какъ входило (и не безъ добрыхъ результатовъ) Главное Присутствіе при св. Сѵнодѣ въ сношеніе съ министерствомъ государственныхъ имуществъ по общему вопросу объ улучшеніи быта духовенства. Городская дума съ своей стороны сообщила комитету свое заключеніе и свѣденіе, какими располагала по сообщенному ей вопросу. Всякому наконецъ понятно, что и сообщенія комитета и заключеніе думы должны были пройти законнымъ порядкомъ извѣстныя инстанціи, чтобы получить утвержденіе

и быть приведенными въ исполненіе. Предполагать, что выше приведенное *сообщеніе* одесскаго городскаго начальства направлено противъ комитета объ улучшеніи быта духовенства тѣмъ болѣе невозможно, что, какъ видно изъ замѣтки Херс. Еп. Вѣдомостей, въ этомъ комитетѣ участвовалъ и самъ градоначальникъ г. Одессы, баронъ Веліо; чтожъ касается городской думы, то ея заключеніе, какъ видно изъ тѣхъ же Еп. Вѣдомостей, *официіальнымъ порядкомъ* восходило къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, и если возвращено обратно, то потому, что 29 декабря въ Одессѣ открыта общесословная дума, на обсужденіе которой г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ счелъ нужнымъ передать это дѣло.

Мы сдѣлали уже нѣсколько предположеній относительно подлиннаго смысла сообщенія одесскаго городскаго начальства Одесскому Вѣстнику, и нашли, что ни одно изъ этихъ предположеній не можетъ быть принято за достовѣрное. Въ чемъ же въ самомъ дѣлѣ секретъ этого сообщенія? Трудно рѣшить этотъ вопросъ на основаніи самаго сообщенія; такъ оно загадочно, чтобъ не сказать иначе. Послѣ всего намъ приходитъ на мысль, какъ относится къ вопросу о пособіи духовенству одесскому изъ городскихъ доходовъ само одесское городское начальство. Согласно ли оно на это пособіе, или не согласно? Кажется, что въ рѣшеніи этого вопроса и заключается вся разгадка упомянутаго *сообщенія*, а рѣшить этотъ вопросъ можно, помимо даже положительныхъ данныхъ относительно образа мыслей одесскаго городскаго начальства по этому предмету. Если оно согласно, то противъ кого и противъ чего ему возражать? Его сообщеніе не имѣло бы въ такомъ случаѣ никакой серьезной цѣли, а этого допустить мы никакъ не можемъ. Чтоже, если оно несогласно? Въ такомъ случаѣ его сообщеніе имѣетъ полный смыслъ, и этотъ смыслъ очевиденъ: оно возражаетъ не противъ формально-неправильной постановки дѣла,—такое возраженіе или точнѣе *замѣчаніе*, покрайней мѣрѣ относительно думы, могло бы, *„послѣдовать въ установленномъ порядкѣ съ утвержденія той же подлежащей власти,“*—

но противъ самаго дѣла. Намъ отнюдь не вѣрится, чтобы тутъ „*встрѣтились* только *нѣкоторыя техническія затрудненія* въ приведеніи въ исполненіе проэкта“ комитета и думы. Формальности составляютъ здѣсь переходъ къ самому дѣлу, которому безъ нихъ, можетъ быть, не возможно было дать другаго оборота, чѣмъ какой оно получило въ самомъ началѣ. Намъ кажется, что довольно близкое отношеніе къ этой мысли имѣетъ одно мѣсто изъ рѣчи, недавно произнесенной пр. архіепископомъ Димитріемъ при открытіи въ Одессѣ общесословной думы. Указывая членамъ новой думы на основную черту, которая, по его мнѣнію, должна лежать въ ихъ намѣреніяхъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ,—на искреннюю правоту и исчисляя благіе ея результаты, архипастырь говоритъ между прочимъ: „она не потерпитъ, чтобы служащіе и духовному благу общества, молящіеся о немъ предъ престоломъ Божіимъ, освящающіе васъ св. таинствами, примиряющіе васъ съ Богомъ въ покаяніи, молящіеся о душахъ вашихъ почившихъ родителей и сродниковъ, оставлены были обществомъ, которому служатъ, безъ призрѣнія и помощи, безъ воздаянія и награды, тѣмъ болѣе, что по своему положенію общественному и по свойству служенія своего они не имѣютъ возможности пріобрѣтать необходимое для жизни какимъ либо промысломъ.

Простите, почтеннѣйшіе сограждане, что я помянулъ объ этомъ, быть можетъ некстати! Но я помянулъ потому, что это священный долгъ общества; и кому же позаботиться объ исполненіи его, какъ не вамъ избранникамъ общества? Помянулъ потому, что это и мой существенный долгъ; *нужда бо ми належитъ* и думать, и говорить о томъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ БЕСѢДА

(Прежнее изданіе *А. Погосскаго*).

будетъ издаваться въ 1864 году по той же программѣ и въ томъ же видѣ, то есть книжками, каждая въ 10 печатныхъ листовъ, или въ 160 страницъ, чрезъ два мѣсяца по книжкѣ.

Годовая цѣна *за шесть книжекъ 2 р. с.*, съ пересылкою во всѣ почтовыя конторы.

Въ каждой книжкѣ помѣщаются важнѣйшія правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся устройства быта крестьянъ; повѣсти и разсказы; статьи по разнымъ отраслямъ наукъ и хозяйства; статьи о народномъ здравіи и указанія средствъ къ сохраненію и исправленію здоровья; разныя извѣстія о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, замѣчательныхъ случаяхъ, школахъ, книгахъ для народа и пр.

Жители Петербурга подписываются въ *Редакціи* (на Вас. Остр., на углу 8-й линіи и Большаго проспекта, д. № 19/26). Можно подписываться и у книгопродавцевъ.

Иногородныхъ просимъ обращаться прямо *въ Редакцію Народной Бесѣды*, въ С.-Петербургъ.

Редакція, впродолженіи двухъ лѣтъ устроиваясь такъ, чтобы по мѣрѣ средствъ удовлетворить всѣмъ истиннымъ потребностямъ своихъ читателей, продолжаетъ постоянно и неуклонно стремиться къ улучшенію журнала обогащеніемъ его содержанія. Въ текущемъ 1863 г., кромѣ статей по

предмету народнаго здравія дано особое приложеніе: „*Народный лечебникъ*“. Въ будущемъ 1864 г. предполагается дать также въ видѣ приложенія обстоятельный „*Обзоръ законоположеній о сельскомъ, промышленномъ и торговомъ сословіи*“ съ указателемъ правительственныхъ распоряженій по этому предмету.

Завѣдывающій редакціею *В. Дерикеръ*.

Сего 1-го января 1864 года вышла изъ печати НАРОДНАЯ РУСКАЯ ИСТОРІЯ въ 16 печатныхъ листовъ, т. е. въ 258 страницъ большаго формата. Книга украшена двумя рисунками: крещеніемъ Руси Св. Равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ, съ рельефнаго изображенія на памятникѣ ему въ Кіевѣ, и памятникомъ тысячелѣтія въ Новгородѣ. Оба эти рисунка сняты съ натуры посредствомъ фотографіи, точно гравированы на камнѣ и печатаны разноцвѣтной бронзой. Цѣна экземпляру 80 к. Пересылочныхъ прилагается по почтовому положенію на каждый экземпляръ за 1 фунтъ. Выписывающимъ вдругъ сто экземпляровъ уступается еще 10-ть процентовъ. На укупорку каждой въ особую посылку прилагается 15 копѣекъ.

Желающіе пріобрѣсть это изданіе обращаются въ Кіевъ къ *Ардаліону Петровичу Каллистратову*, Дворцовой части 3-го квартала въ домъ Пащенковой подъ № 50-мъ, въ книжный магазинъ Литова и въ магазинъ Петра Барскаго. Иногородніе же исключительно присылаютъ свои требованія въ Кіевъ прямо къ издателю.

Издатель *А. Каллистратовъ*.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 29 января 1864 г. Ценсоръ *Н. Щеголевъ*
Въ Университетской типографіи.